

Игрушка

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1 Стр. 254 - 260.

-- Вот как на горку выедем, барин, так сейчас и город будет видно,-- сказал извозчик, обернувшись назад и показывая лицо, все белое от снега.-- Ишь огни-то. Ровно зарево.

Над горой, на темном звездном небе стояла длинная сияющая полоса, отблеск уличных фонарей. И опять у Жданова сердце сжалось от сладостного волнения, вроде того, которое он испытал полчаса тому назад, выходя после двухдневной дороги на С-ой вокзал. В его памяти жадно и стремительно теснились проснувшиеся с новой силой милые воспоминания прошлого, связанные тесными узами с тем городом, к которому он теперь подъезжал после двухлетнего отсутствия.

Когда его, в новую эпоху его жизни, знакомые женщины спрашивали об этом прошлом, он всегда говорил с несколько разочарованным и усталым видом, что в его прошлом была любовь, на которую он отдал всю молодость и все лучшие силы души. Шесть лет тому назад он приехал в К., только что окончив университет, и поступил на службу по акцизу. В провинциальном городке между танцами в общественном собрании, загородными пикниками, для которых ездили все в одну и ту же деревню Дубовую, и любительскими спектаклями адюльтер создается очень скоро и на семейных началах. Однажды во время зимнего катанья в санях ему пришлось сидеть рядом с женой своего сослуживца и начальника. Он ее много раз видел раньше, танцевал с ней, находил ее хорошенькой, но ему никогда еще не приходила в голову мысль о возможности близости между ними. Это была пышная и томная блондинка с ленивой грацией избалованной кошечки, с маленькими белыми ручками, смешливая и дерзкая.

Взволнованный выпитым вином и сумасшедшей ездой, он, сидя совсем близко около нее, не отрывал глаз от ее лица, раскрасневшегося и счастливого... Затаив дыхание и робея, он нашел ногою под полостью кончик ее ботинка и пожал его. Она закрыла глаза и не отодвинула своей ноги, а на второе пожатие и сама, как будто бы нечаянно, ответила. Потом он нашел под ротондой ее теплую руку, потом обнял ее, и она покорно, с слабой улыбкой на губах положила ему на плечо голову... Эта любовь, начало которой носило такой случайный характер, продолжалась почти четыре года. Роман со Ждановым был для Антонины Васильевны не первым романом в жизни. Она принадлежала к числу тех женщин-кошек, которые не ищут сами приключений, но зато без всякой борьбы принадлежат тому, кто умеет их взять и удержать при себе. Для Жданова же обладание красивой замужней женщиной из общества было целым громадным событием, и любовь Антонины Васильевны навсегда осталась для него мерилom для сравнения со всеми встречавшимися ему впоследствии женщинами.

Муж, толстый флегматик, любивший хорошо поесть, поспать и поиграть в винт, не мешал им. Как и все обманутые мужья, он первый догадался о новой связи своей жены, так же как догадывался и о предшествующих. Но так же, как и все мужья, он, по примеру страуса, прячущего голову в песок, старался себя уверить, что ничего нет и что поэтому и другим ничего не заметно. Это, конечно, не помогало. В глухих городишках, когда минет первое горячее время злословия, к адюльтеру начинают относиться с удивительным добродушием, считая его, в силу давности, законным между тремя людьми отношением.

На четвертый год любовь сделалась тяжелой и для Жданова и для Антонины Васильевны. Собственно, прежней-то любви, неудержимого влечения двух молодых и красивых людей друг к другу давно уже и не было. Оставалась только привычка, неудобная обоим благодаря необходимости притворяться и обманывать, и, кроме того, оставалось затруднение сказать последнее разрывающее слово. Антонина Васильевна, конечно, сама бы порвала тягостные отношения, если бы кто-нибудь опять завладел ею. Но, вероятно, физические и умственные шансы Жданова настолько высоко стояли в мнении к-ских кавалеров, что никто из них не решался выступить его открытым соперником.

Наконец на помощь им пришло неожиданное назначение Жданова в Петербург, и они простились без слез и без ненависти, каждый радуясь своей свободе. И только много времени спустя воспоминания о прошлой любви окрасились для Жданова в поэтический, грустный и сладкий колорит. Чтение ее записочек, оставшихся у него, всегда немного его волновало, и он на конверте, заключавшем их, сделал надпись из своего любимого поэта: "Что прошло, то будет мило".

Подъем в гору кончился. Лошади, почуяв близость конюшни, сами прибавляли ходу. Левая пристяжная, косматая, крепконогая кобылка, тонко и радостно заржала и схватила коренника зубами за шею.